

ТАЙНЫ КРЕМЛЁВСКОЙ
БОЛЬНИЦЫ

ЯКОВ РАПОПОРТ

«ДЕЛО ВРАЧЕЙ» 1953 ГОДА

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО

Тайны Кремлевской больницы

Яков Рапопорт

**«Дело врачей» 1953 года.
Показания обвиняемого**

«Алгоритм»

2017

УДК 94(47+57)"1953"
ББК 63.3(2)63

Рапопорт Я. Л.

«Дело врачей» 1953 года. Показания обвиняемого
/ Я. Л. Рапопорт — «Алгоритм», 2017 — (Тайны
Кремлевской больницы)

ISBN 978-5-906914-55-2

Я.Л. Рапопорт, известный советский ученый-медик, был одним из главных обвиняемых по «делу врачей» 1953 года. Согласно материалам следствия, они убили неправильным лечением ближайшего соратника И.В. Сталина – члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, а также первого секретаря Московского обкома ВКП(б) А.С. Щербакова; кроме того, готовили покушение на самого Сталина. В своей книге Я.Л. Рапопорт подробно рассказывает обо всех обстоятельствах этого дела, говорит о том, как в действительности лечили советских вождей, о Сталине и его окружении, о причинах репрессий против кремлевских медиков. Его рассказ содержит многие подробности, известные только автору, и представляет собой уникальный источник по данной теме.

УДК 94(47+57)"1953"
ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-906914-55-2

© Рапопорт Я. Л., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

«Врачи-убийцы»	6
«Низкопоклонство перед Западом»	12
Репрессии	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Яков Львович Рапопорт «Дело врачей» 1953 года. Показания обвиняемого

© Рапопорт Я.Л., наследники, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

*Посвящаю моей покойной жене и другу
Софье Яковлевне Рапопорт*

«Врачи-убийцы»

13 января 1953 года весь мир был ошеломлен сообщением, опубликованным в центральных советских газетах и переданным по радио. В этом сообщении мир был информирован о раскрытии в Советском Союзе (главным образом, в Москве) преступной организации крупных работников медицины, совершавших чудовищные преступления: пользуясь доверием своих пациентов, они подло умерщвляли их, назначая заведомо противопоказанные им по характеру заболевания и состоянию здоровья мероприятия, приводившие часто к неизбежной гибели. Их жертвой стали выдающиеся деятели Советского государства – Щербаков, Жданов, крупные военачальники. В эту организацию входили виднейшие представители советской медицины – профессора и академики (в дальнейшем к ним присоединили большую группу врачей, рангом ниже). Их преступная деятельность, которую они осуществляли по заданию разведок капиталистических стран, не ограничивалась умерщвлением пациентов; одновременно они вели шпионскую работу по заданию тех же разведывательных органов. В этом сообщении были названы имена некоторых активных членов преступной организации (М. С. Вовси, Я. Г. Этингер, Б. Б. Коган, М. Б. Коган, А. М. Гринштейн и другие), к ним был присоединен и народный артист СССР и видный общественный деятель С. М. Михоэлс, убитый за несколько лет до этого в Минске наездом неизвестного грузового автомобиля. Автомобиль и его водитель остались необнаруженными.

Идейной платформой этой группы преступной шайки был еврейский буржуазный национализм, вдохновленный связью с американской еврейской организацией «Джойнт», о существовании которой, как впоследствии выяснилось, многие из привлеченных по этому делу не подозревали и даже не знали такого названия.

Все сообщение имело яркую антиеврейскую направленность.

Помимо террористической организации еврейских буржуазных националистов, был арестован по аналогичному обвинению до этого сообщения и после него ряд крупных ученых медиков нееврейской национальности (В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко, В. Ф. Зеленин, Б. С. Преображенский, М. Н. Егоров и другие), а еврейская группа была дополнительно укомплектована профессорами И. А. Шерешевским, М. Я. Серейским, Я. С. Темкиным, Э. М. Гельштейном, Б. И. Збарским, М. И. Певзнером, И. И. Фейгелем, В. Е. Незлиным, Н. Л. Вильком, автором этих строк и многими другими. Некоторые из них умерли до организации этого дела и до сообщения о нем и были «арестованы» посмертно (М. Б. Коган и М. И. Певзнер, а Я. Г. Этингер, арестованный в 1950 году, умер в тюрьме до его включения в список «извергов рода человеческого»).

Само сообщение 13 января об аресте большой группы медиков не было неожиданным. Аресты начались с ноября-декабря 1952 года; имена арестованных и число их не могло быть секретом для широких кругов населения Москвы и крупнейших центров.

Групповые аресты специалистов по профессиональному признаку не были новостью для советских граждан. Наряду с арестами, больших масс населения преимущественно из интеллигентной среды без профессионального разбора, были аресты групп, дифференцированные по их специальностям (инженеры, строители, военные, геологи, работники сельского хозяйства и т. д. и общественно-политические деятели). Из них формировались в недрах ГПУ – МГБ специализированные заговорщические группы с последующим физическим истреблением по приговорам открытого или – чаще – закрытого суда.

Неожиданностью был чудовищный характер обвинения большой массы медиков, к тому же известных клиницистов с большой профессиональной популярностью.

* * *

В уголовной истории советской страны уже были известны случаи аналогичных обвинений врачей, но они касались отдельных представителей врачебного сословия. В хронологическом порядке этот вид уголовной хроники, по-видимому, открыл хирург доктор Холин. Он внезапно исчез в конце двадцатых годов, и было совершенно непонятно, за что он арестован, какое преступление он мог совершить. По просочившимся слухам (они в основном подтверждались) передавали, что он был арестован в связи с операцией, произведенной М. В. Фрунзе. Об этой операции по поводу язвы двенадцатиперстной кишки ходили слухи, что она была произведена по настоянию Сталина. 31 октября 1925 года через двое суток после операции, произведенной крупнейшими хирургами во главе с профессором И. И. Грековым, М. В. Фрунзе скончался. В этих слухах был намек на то, что Сталин был заинтересован в операции и ее роковом исходе, и эта версия была использована в качестве сюжета для литературного произведения известного писателя Б. Пильняка «Повесть о непогашенной луне».

Вероятно, именно эта повесть стоила Б. Пильняку жизни. В разгар репрессий 1937 года он был арестован, обвинен в шпионаже в пользу Японии (он был в Японии и свои впечатления о поездке отразил в книге «Корни японского солнца») и расстрелян. Циркулировавшие непосредственно после смерти Фрунзе версии о сомнениях в необходимости операции с последовавшим смертельным исходом ее, по-видимому, все же достигли высших сфер, поскольку через несколько дней после похорон Фрунзе профессор И. И. Греков выступил в печати с путанными разъяснениями об обстоятельствах операции и смерти. В них он оправдывал необходимость операции и утверждал наличие показаний к ней, а смертельный исход объяснял (крайне невразумительно), главным образом, общим отягощающим фоном организма М. В. Фрунзе.

Многие из циркулировавших версий о причине смерти М. В. Фрунзе (особенно – версия о смерти от хлороформного наркоза) могут иметь правомерное медицинское основание. Следует при этом категорически отвергнуть мысль о заведомо криминальных действиях хирургов – известных уважаемых ученых. В настоящее время, по-видимому, придется удовлетвориться официальными материалами 1925 года с свидетельством современников о смерти Фрунзе; расчеты на другие источники, вероятно, лишены надежды. Какие-либо сведения о роли Холина в операции Фрунзе отсутствуют. Если его арест имел какое-либо отношение к этой роли, то наиболее вероятно предположение, что он нужен был «органам», только как источник для криминального «досье» на оперировавших хирургов, на всякий случай – авось понадобится.

Такие «досье» были в практике ГПУ – МГБ. В них арестованными и признавшими свою вину были второстепенные участники «преступлений», а основные даже не подозревали об участии в них и продолжали трудиться, часто – в почете. Нередко такие «досье» оставались «вещью в себе», без употребления за отсутствием подходящей ситуации.

Приведу известный мне такой «парадокс» сталинской эпохи.

Во 2-м Московском медицинском институте клиникой факультетской хирургии в течение многих лет (1926–1943) заведовал известный хирург-профессор, а впоследствии академик – С. И. Спасокукоцкий. В числе его ассистентов был некий доктор Арутюнов. В 1938 году он был арестован органами ГПУ и, как всегда, исчез бесследно. Причина ареста, тоже как всегда, оставалась неизвестной. Эпизод этот вскоре был забыт как не представлявший чего-либо необычного для того времени, да и ранг исчезнувшего не способствовал долгому сохранению памяти о нем и интереса к нему. Неожиданно в 1940 году партийная организация института (Арутюнов был, кажется, членом КПСС) получила письмо от Арутюнова, написанное на листке ученической тетради и присланное, по-видимому, кем-то, освобожден-

денным из заключения, по просьбе его «односидельца» – Арутюнова. В этом письме Арутюнов писал, что он осужден на 10 лет за участие в контрреволюционной организации, возглавлявшейся Спасокукоцким, в которую тот его вовлек. Далее он писал, что был уверен, что Спасокукоцкий расстрелян (по-видимому, на следствии Арутюнов все признал), раз он, только сообщник главаря организации, осужден на 10 лет. Случайно в концлагере в его руки попал клочок газеты с указом Президиума Верховного Совета о награждении профессора Спасокукоцкого орденом Ленина, и что, следовательно, он не только не расстрелян, но жив, здоров и пользуется благосклонностью Советского правительства (в дальнейшем был избран в Академию наук СССР). В связи с этим Арутюнов просит партийную организацию института ходатайствовать о его освобождении, как невинно осужденного. Его просьба осталась без последствий, никто не решился вступить в конфликт с ГПУ – МГБ, т. к. сомнения в обоснованности ареста в то время уже были преступлением против непогрешимости ГПУ, а передача письма в судебные органы могла вызвать ухудшение в судьбе осужденного.

* * *

Дело Арутюнова и дело Холина разделяет промежуток времени почти в 10 лет. Но принципиальная общность обоих дел убеждает в постоянстве ранее созданных приемов деятельности «органов». Остается загадкой целевая направленность этих приемов в подобных случаях, т. е. законспирированная политическая дискредитация «шефов» через второстепенных мнимых соучастников их преступлений. Весьма вероятно, что такой целью является формирование готовых «досье» на шефов про запас, на всякий случай, – вдруг понадобятся.

«Стукачи» для этой цели менее пригодны, они все же должны «настукивать» более или менее реальные факты или собирать их по целевому заданию. Более убедительны признания арестованных, каким бы путем они ни были получены.

Может быть, Спасокукоцкий был недоволен Арутюновым, кому-нибудь высказал без всякой задней мысли свое недовольство, и подлая, но всесильная угодливость освободила профессора от нежелательного сотрудника (Спасокукоцкий как хирург пользовался большой популярностью в «сферах»).

Холин был, по-видимому, «первой ласточкой» в использовании врачебной профессии для политических целей и первой их жертвой. Одна из последующих «ласточек» поразила неожиданностью. Речь идет о докторе И. Н. Казакове, невежественном, но предприимчивом враче, нашумевшем в 30-х годах, авторе так называемой лизатотерапии как универсального метода в профилактике возрастных человеческих немощей, как панацеи при лечении различных заболеваний. Научной предпосылкой метода являлось представление о решающей роли нарушения функции желез внутренней секреции в разнообразной патологии человека. В частности, это относилось к половой сфере, к угасанию ее активности, что особенно волновало входящих в возраст и усталых от бурной жизни крупных политических деятелей. Для восстановления нарушенной функции желез внутренней секреции больному вводился лизат соответствующей железы (препарат, в котором содержался продукт этой железы); предварительно определялся «эндокринный профиль» пациента, т. е. схема состояния его желез внутренней секреции, нуждающихся в коррекции.

Контингент потребителей лизатотерапии был избранный. Это была верхушка советского общества – крупные администраторы, политические деятели, крупные военные и т. д. Казакову был создан специальный научный институт; Институт был на исключительном положении в отношении доступа в него в качестве пациентов, роскоши обстановки, питания и т. д., а сам Казаков был фигурой, недостижимой для нормальной научной критики, с универсальной индульгенцией от высоких органов и лиц.

Н. А. Розенель (актриса, жена наркома А. В. Луначарского) в своей книге «Память сердца» пишет о том, как к тяжелобольному и вскоре умершему в начале 30-х годов А. В. Луначарскому (соратнику Ленина и первому наркому просвещения) пришли его друзья, крупные политические деятели, в том числе – нарком по иностранным делам М. М. Литвинов, с настойчивой рекомендацией воспользоваться услугами Казакова как врача-чудодея. Они ссылались на личный опыт испытания на себе его врачебного мастерства. Казаков жаловался им, что лечащие врачи не допускают его к Луначарскому, хотя он вылечил бы его в кратчайший срок. Луначарский принял их рекомендацию, и Казаков включился в его лечение своими методами. Вскоре, однако, он был уличен в прямом жульничестве и поспешил жульническим манером самоустраниться от лечения Луначарского, безрезультатность которого к тому же стала очевидна.

Зная об отношении к Казакову в «высших сферах», я был чрезвычайно удивлен рассказом А. И. Абрикосова, производившего в 1934 году вскрытие трупа В. Р. Менжинского, председателя ОГПУ, об одном эпизоде при вскрытии.

Присутствовавший при вскрытии крупный работник ГПУ обратился к Абрикосову со словами: «Посмотрите внимательно, не найдете ли вы в теле Менжинского следов действия казаковского зелья?» А. И. Абрикосова удивила не только наивность такого предложения с точки зрения возможностей патологической анатомии, но и контекст, в котором был упомянут Казаков, находившийся в то время в зените своей славы. По-видимому, над его головой уже был занесен меч ОГПУ, опустившийся четыре года спустя. Значит, версия о злодействе медицинских работников уже была в стадии активного созревания и достигла зрелости в процессе 1938 года по умерщвлению врачами сына А. М. Горького, самого Горького, Менжинского и др. В результате этого процесса были расстреляны в числе других доктор Л. Г. Левин (врач кремлевской больницы) и И. Н. Казаков; осужден на длительное заключение и погибший в нем профессор Д. Д. Плетнев. О смерти самого Менжинского в его биографии (БСЭ. Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т. 27) сказано: «В. Р. Менжинский погиб на боевом посту. Он был злодейски умерщвлен по заданию главарей антисоветского контрреволюционного «правотроцкистского блока». Версия об участии врачей в умерщвлении Горького, зафиксированная в приговоре суда и открыто не опровергнутая, существовала и поддерживалась даже спустя долгое время после ликвидации «дела врачей». Трудно было дуракам и мерзавцам с ней расстаться, о чем может свидетельствовать следующий эпизод.

В 1967 или 1968 году (т. е. спустя 30 лет после процесса об умерщвлении Горького) мы с женой отдыхали в санатории «Форос» ЦК КПСС в Крыму. В этом санатории был культработником, т. е. организатором «культурных мероприятий», молодой парень, член КПСС, глупый, самовлюбленный пижон. Однажды он повел группу отдыхающих на экскурсию в соседний санаторий «Тессели», бывший резиденцией Горького. Щеголяя своей осведомленностью об обстоятельствах смерти Горького, он показал кучу булыжников, которую врачи, лечившие Горького, якобы заставляли его перетаскивать с места на место под видом физического упражнения, чтобы вызвать его преждевременную смерть. Этот молодой болван передавал легенду, основанную на материалах суда 1938 года, вошедших во 2-е издание Большой Советской Энциклопедии (см. биографии Горького и Менжинского), не дезавуированных открыто, по крайней мере в части, касающейся злодеяний медиков. С мистическим ужасом взирали зрители на кучу камней, которых касались мученические руки Горького, направляемые на них «убийцами в белых халатах».

Таким образом, единицы врачей-злодеев 30-х годов расплодились к 50-м годам в большую организацию из многих десятков виднейших деятелей медицины, а все событие вошло в историю под названием «дело врачей». Оно, как это видно, имело предшественников и не возникло, как *Deus ex machina*, как какой-то эксцесс природы, как метеор из далекого чуждого мира, ворвавшийся в атмосферу нашей планеты. Оно готовилось всей природой

сталинской империи, и атмосфера для него готовилась и накаливалась в течение многих лет. Почему злая судьба постигла трех врачей из большой массы их в СССР? Попробуем дать ответ на этот вопрос, по крайней мере в отношении Л. Г. Левина и Д. Д. Плетнева. Л. Г. Левин, руководящий работник кремлевской больницы, был образованный специалист, соавтор Д. Д. Плетнева в изданном ими руководстве по внутренним болезням для студентов и врачей, пользовавшемся популярностью в течение ряда лет. В «награду» за признание на следствии участия в «умерщвлении» А. М. Горького и его сына Левин мог передавать из заключения короткие записки. В них эзоповским языком он писал об общих условиях пребывания в тюрьме, об инкриминируемом ему преступлении, сознанию в котором его вынудили угрозой расправы с семьей. Для спасения ее он на это пошел.

Старший сын Л. Г. Левина работал в Наркоминделе. Его не было в Москве в момент ареста отца. По срочном возвращении в Москву спустя два дня он написал В. М. Молотову письмо, в котором просил его вмешаться в это «недоразумение», поскольку В. М. Молотов хорошо знал отца и имел с ним контакты не только в служебных отношениях, но и в личных дружеских связях.

Письмо это он сам передал в ЦК КПСС, и ответом на него был его арест в ту же ночь с последующим исчезновением из жизни. Семья Левиных много лет была в убеждении, что это письмо не дошло до Молотова. Однако его увидели в деле по посмертной реабилитации. Письмо до Молотова дошло, как об этом свидетельствовал автограф на нем Молотова следующего содержания: «Почему этот „профессор» еще в НКВД, а не в НКВД». Каламбур палача у плахи!

Конечно, он получил директивное значение. Участие профессора Д. Д. Плетнева в «умерщвлении» Горького и его сына было воспринято советской, особенно медицинской, общественностью, казалось бы, уже привыкшей к острым блюдам 1937 года, как мрачная сенсация. Д. Д. Плетнев пользовался огромной популярностью, как образованный клиницист с большим врачебным опытом и как ученый, принятый в высших этажах советского руководства. Подлинные причины его ареста и осуждения (он был осужден на 25 лет и умер в заключении накануне «дела врачей») не были известны, вероятно, и ему самому. Строились разные догадки. При той популярности, которую имел Д. Д. Плетнев, организаторы большого процесса сочли, по-видимому, необходимой предварительную общественную дискредитацию его, как человека, способного на аморальные поступки. Форма этой дискредитации была на уровне культуры и грязной фантазии авторов ее.

* * *

Подобно грому из ясного неба, вдруг в центральных газетах в 1939 году (в том числе и в «Правде») во всю ширину полосы появился гигантский заголовок: «Проклятие тебе, насильник, садист!» Под этим кричащим заголовком была статья (государственной важности!), посвященная аморальным действиям профессора П. К нему на прием в качестве больной пришла гражданка Б., и профессор П. в припадке бешеной страсти (ему уже было за 60 лет!), вместо оказания гр-ке Б. необходимой помощи врачебным искусством, искушал ей грудь и нанес ей этим тяжелую физическую и моральную травму. Я знал эту гр-ку Б.

Она была репортером одной из московских газет (кажется, «Труд») и иногда приходила ко мне, как проректору по научной и учебной работе 2-го Московского медицинского института, за какой-нибудь информацией. Внешность ее отнюдь не вызывала никаких сексуальных эмоций и даже не ассоциировалась с такой возможностью. Это была женщина лет сорока, с удивительно непривлекательной и неопрятной внешностью. Длинная, какая-то затрепанная юбка, башмаки на низком стоптанном каблучке; выше среднего роста, брюнетка сального вида, с неопрятными космами плохо причесанных волос; пухлое, смуглое лицо с

толстыми губами. Один вид ее вызывал желание поскорее освободиться от ее присутствия. И вдруг оказалось, что она – это и есть г-ка Б., девственная жертва похоти профессора П., «насильника, садиста!».

Узнав об этом, я говорил, что кусать ее можно было только в целях самозащиты, когда другие средства самообороны от нее были исчерпаны или недоступны. Тем не менее профессор П. был судим за этот «варварский» поступок и за нанесение увечий и осужден на 2 года.

Ответ на поставленный выше вопрос восходит к тайнам гибели в 1932 году Н. С. Аллилуевой, жены Сталина. Известно, что она покончила жизнь самоубийством выстрелом себе в висок. Была попытка скрыть эту явную причину смерти даже заменой при похоронах обычной прически Н. С. Аллилуевой зачесом на висок для маскировки огнестрельной раны. Официальной версией была смерть от аппендицита, неуклюже неправдоподобной даже для непосвященных.

Посвященными в истинную причину смерти были А. Ю. Канель – главный врач кремлевской больницы, Л. Г. Левин и профессор Д. Д. Плетнев. Аллилуеву видели накануне трагедии без всяких признаков аппендицита, а утром она была обнаружена мертвой в постели с огнестрельной раной в виске и лежащим около трупа пистолетом. Всем им было предложено подписать бюллетень о смерти от аппендицита, от чего они все трое категорически отказались. Бюллетень был подписан другими врачами. Сталин не забыл этого отказа, и его злобной местью была версия «умерщвления» А. М. Горького Плетневым и Левиным. А. Ю. Канель умерла в 1936 году от менингита, иначе она, конечно, разделила бы судьбу «убийц» Горького.

В чем была провинность И. Н. Казакова, остается тайной. Казаков, как отмечалось выше, был принят в высших этажах сталинского общества, знал многие из его тайн и мог быть нескромным. Это, возможно, привлекло к нему внимание органов государственной безопасности, и, как выше отмечалось, он давно был у них на прицеле.

«Низкопоклонство перед Западом»

Длительно накаливалась и подготавливалась антисемитская направленность «дела врачей», и психологической подготовкой к нему была так называемая борьба с космополитизмом, открытая в 1948 году редакционными статьями в газетах «Правда» и «Культура и жизнь». В этих статьях раскрывалась вредительская деятельность литературных, музыкальных и театральных критиков, по преимуществу еврейской национальности, якобы шельмовавших в своих критических статьях произведения русских писателей, поэтов, драматургов и одновременно прославлявших чуждые русскому и вообще советскому человеку произведения. В этих статьях, посвященных этим критикам, они именовались безродными космополитами, которым чуждо было все русское и советское, которое они беззастенчиво оплевывали.

Статьи эти, разумеется, получили широкий резонанс частью со стороны обиженных критикой, частью со стороны услужливых и служащих лиц и организаций. Для характеристики такого резонанса можно привести короткий отчет о партийном собрании Союза советских писателей, опубликованный в газете «Правда» 11 февраля 1949 года под названием «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Докладчиком на этом собрании выступил секретарь правления Союза писателей А. Софронов. Он говорил: «Группа оголтелых, злонамеренных космополитов, людей без рода и племени, торгашей и бессовестных дельцов от театральной критики, подверглась сокрушительному разгрому в редакционных статьях газет „Правда“ и „Культура и жизнь“. Эта антипатриотическая группа в течение долгого времени делала свое антинародное дело. Выросшие на гнилых дрожжах буржуазного космополитизма, декаданса (?) и формализма, критики-космополиты нанесли немалый вред советской литературе и советскому искусству – они хулигански охаивали и злобно клеветали на все то новое, передовое, все лучшее, что появлялось в советской литературе и советском театре...» Далее:

«Юзовский, Гурвич, Борщаговский, Бояджиев, Альтман, Варшавский, Малюгин, Холодов и другие космополиты-антипатриоты приветствовали идеологию буржуазного Запада. Холопствовавшие перед буржуазной культурой, они отравляли здоровую атмосферу советского искусства зловонием буржуазного ура-космополитизма (?!), эстетства и барского снобизма (?!)». Далее идет конкретное разоблачение их деятельности. Например, они критиковали такие патриотические пьесы, как «Великая сила» Ромашова и «Зеленая улица» А. Сурова. Надо сказать, что эти спектакли шли в Малом театре при почти пустом зале, хотя билеты распределялись бесплатно в учреждениях и предприятиях, и бывали случаи, когда администратор театра обращался к публике с просьбой от имени артистов занять ближайшие к сцене ряды, т. е. артистам трудно играть перед пустым залом. Критик Альтман в докладе Софронова подвергся уничтожающей характеристике, в частности, за то, что он «постановку пьесы «Принцесса Турандот» считал знаменем искусства» (это значение спектакля подтверждено всей последующей историей театрального искусства).

Уничтожающей критике подвергается деятельность Ю. Субоцкого, который «стремился отвлечь внимание писателей от нанесения ударов по безродному космополитизму», а также литературные критики Эрлих, Данин и др. В частности, о Данине сказано, что он «унаследовал методы оголтелых космополитов, в свое время травивших Горького и Маяковского (кто были эти космополиты?) и возвеличивавших антинародную безыдейную поэзию (в дальнейшем признанную вершиной поэзии) Б. Пастернака и А. Ахматовой (!). Весь доклад – безудержная ругань, в которой докладчик не ограничивал себя ни в малейшей степени необходимостью соблюдения хоть элементарной правды; это был не доклад, а донос, без

необходимости соблюдения видимости правдоподобия и элементарного приличия, а смысл некоторых ругательных выражений может быть понятен только изобретателю их.

* * *

Всякое общественное явление имеет своих конкретных носителей. Поэтому борьба с космополитизмом, естественно, должна была вылиться в борьбу с конкретными носителями космополитического зла. В первой фазе этой борьбы на направлении главного удара были литературные критики. Затем начались поиски признаков космополитизма в творчестве писателей и поэтов. Например, у Багрицкого в поэме «Дума про Опанаса» герой – еврей Иосиф Коган, а Багрицкий – тоже еврей. У И. Уткина в «Повести о рыжем Мотеле, раввине Исaе и комиссаре Блох» само название выдает с головой национальность героя, отсюда – эти произведения признаны космополитическими. И. Эренбург писал (Новый мир. 1965. № 3. С. 123) о тех мытарствах, которые он претерпел при издании пятитомника его произведений. «Почти на каждой странице произведений, много раз до того изданных, искали недозволенное. Случайно у меня сохранилась копия письма, отправленного в высокие инстанции в январе 1953 г., – я искал защиты. Помимо различных изменений в тексте, от меня требовали переменить некоторые фамилии в повестях „День второй» и «Не переводя дыхания». Эренбурга упрекали в том, что «в обеих книгах, написанных о русском народе, который вместе с другими народами строит заводы и преобразует Север, непомерно много фамилий лиц некоренной национальности».

Следовал список семнадцати таких фамилий (из двухсот семидесяти шести) в повести «День второй» и девяти фамилий (из ста семидесяти четырех) в «Не переводя дыхания». «Я подумал, – добавляет Эренбург, – а что делать с фамилией, которая стоит на титульном листе?» Эренбург из деликатности (а вернее всего – с оглядкой на цензора) не пишет, о какой «некоренной национальности» идет речь в требовании цензоров или редакторов книг, но это ясно из самих фамилий и из фамилии автора на титульном листе. Вся постановка вопроса о безродных космополитах, людях без рода, без племени, не имеющих родины, заключается в том, что им не дано понять творчества русских людей, русской и советской природы; они поэтому не имеют права ее касаться.

Идеологи борьбы с безродными космополитами, вероятно, запретили бы и Исааку Левитану, великому певцу русской природы, коснуться ее своей гениальной, но еврейской кистью. Не случайно, что в период борьбы с космополитизмом подверглось гонению творчество Багрицкого, Светлова, В. Гроссмана, был изгнан из Большого зала Консерватории портрет Мендельсона. Портрет этого выдающегося композитора XIX века, внесшего огромный вклад в музыкальную культуру не только своим замечательным творчеством, но и «открытием» Баха, до него малоизвестного композитора, был в настенном медальоне Большого зала вместе с другими композиторами мирового класса. «Вынос» портрета Мендельсона, украшавшего вместе с другими композиторами Большой зал Консерватории, был совершен в период борьбы с так называемым космополитизмом, бывшим словесным прикрытием самого откровенного, неприкрытого антисемитизма. «Вынесли» не Вагнера, другого немецкого композитора, но ярого немецкого националиста и шовиниста, кощунственно провозгласившего гений Бетховена принадлежавшим только Германии и ей служащим. Творчество Вагнера, замечательное в музыкальном отношении, было принято на вооружение гитлеровцами, т. к. он в нем якобы прославлял музыкой истинно германский дух. «Вынесли» соотечественника Вагнера – немецкого еврея Мендельсона и заменили его Даргомыжским. Не углубляясь в сравнительную оценку творчества обоих композиторов – Мендельсона и его «сменщика», – существенно то, что при строительстве Большого зала Консерватории (в конце XIX века) общественный комитет, руководивший строительством, принял решение,

что в медальонах должны быть только симфонисты (у Даргомыжского нет ни одной симфонии). Вопреки этому правилу, Мендельсона, пережившего в Большом зале Консерватории двух царей-самодержцев и царский антисемитизм, заменили Даргомыжским.

* * *

В советском обществе был накоплен многолетний опыт снятия портретов, в первую очередь – портретов провинившихся или обвиненных в каких-либо преступлениях политических и государственных деятелей. По внезапно исчезнувшим со стен портретам советские люди узнавали, что оригинал тоже бесследно исчез, по меньшей мере – с политического горизонта, а чаще всего – из жизни. Мендельсон не мог входить в эту категорию исчезнувших портретов. Периодически производится перетряска Досок почета на фабриках и заводах, в парикмахерских, пошивочных ателье, общественных столовых и ресторанах и т. д. Там, как известно, периодически меняется комплект фотографий передовиков производства по усмотрению «треугольника», состоящего из дирекции, партийной организации и профсоюза, и выставляется обновленная Доска почета, с которой на зрителей смотрят лица новых передовиков истекшего года. Однако в течение более полувека состав «передовиков музыкального творчества» в Большом зале Консерватории не меняется; была стабильной «Доска почета композиторов». Может быть, и здесь в середине XX века начал действовать общий принцип текучести персонажей Доски почета? Но кто были жюри периодического пересмотра сравнительной гениальности композиторов и кто из подлинных музыкальных художников согласился бы на такую роль?

По-видимому, в истории со снятием портрета Мендельсона был произвол чиновников от искусства, проявивших «здоровую советскую инициативу» на общем поприще борьбы с космополитизмом.

Просто Мендельсону не повезло: с его фамилией и его родословной эти чиновники сочли невозможным его соседство с другими русскими и иностранными великими композиторами во имя арийской чистоты портретной галереи композиторов.

С идеями, заложенными в борьбе с космополитизмом в Советском Союзе, удивительно совпадают соображения по национальному вопросу фашиста, зятя Гимmlера, в диалоге с советским писателем Л. Гинзбургом. Фашист изрекал: «Нация – понятие крайне сложное, включающее в себя и этнографические, и психологические, и биологические моменты. Если хотите – и расовые. С этим необходимо считаться. Я не могу, например, назвать немецким писателем человека, который пишет по-немецки, но по причинам своего происхождения и биологической организации не в состоянии выразить самый дух той нации, языком которой он пользуется... Конечно, исключения возможны, но...» Реплика Гинзбурга: «Говоря об исключениях, наверное, вы подразумеваете Гейне?» Ответ фашиста: «Гейне – явление чрезвычайно противоречивое. Уроженец Рейна, человек восприимчивый, он в большой степени усвоил признаки немецкого духа, подтверждением чего является его „Лорелея“... Тем не менее Гейне так и не смог – да и не должен был! – преодолеть свое происхождение, и те его произведения, в которых пробивается это его начало, так и остались для нас чужими... Приведу пример более мне близкий – превосходного композитора Мендельсона-Бартольди. Можем ли мы считать его превосходную музыку немецкой?»

Думаю, что ни в коем случае... Стало быть, национальная культура, так же как и сама нация, не терпит никаких примесей... К какой нации человек принадлежит, определяет только состав его крови».

Какое трогательное единство идеологии оголтелого фашиста и борцов с космополитизмом!

* * *

Борьба с космополитизмом и его проявлением – «низкопоклонством перед Западом», разумеется, вышла за пределы литературной и театральной среды. Везде надо было вести эту борьбу и выявлять своих космополитов.

Антиеврейская направленность борьбы была настолько откровенной, что ее было трудно прикрыть фиговым листком советского интернационализма. Даже бытовало двустышие: «Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом». Но непрочный фиговый листок иногда прорывался, что создавало в этих случаях нежелательную ситуацию публичного нарушения политической девственности. Так было, например, в Институте профессиональных заболеваний. Там подвергся суровой критике на ученом совете профессор-физиолог Н. А. Бернштейн, крупный ученый, автор замечательной монографии «Биомеханика движений», в которой были усмотрены патристическими ортодоксами проявления «низкопоклонства». В защиту его от благородного негодования ортодоксов выступила молодая аспирантка, в святой простоте воскликнувшая: «Это – недоразумение, ведь Николай Александрович – не еврей!» В действительности Н. А. Бернштейн – коренной русский по национальности, но с нерусской фамилией (таких в России много, ведущих свое происхождение от шведов, французов, прибалтийских немцев и др.).

Борьба с космополитизмом не имела ничего общего с теоретической принципиальной дифференциацией двух понятий: космополитизм и интернационализм. Когда-то в трудах теоретиков марксизма они мирно уживались, научно анализировались и не были в такой острой непримиримой вражде, как в описываемый период 40-х годов. В борьбу с космополитизмом с логической последовательностью вплеталась борьба с «низкопоклонством» перед Западом (перед «иностранщиной», в ее жаргонном обозначении), перед его наукой, общей культурой, литературой, поэзией, искусством в его многообразных формах, и естественно, что победителем в этой борьбе была национальная русская и советская наука, культура, литература и поэзия, искусство. От тлетворного влияния Запада советские люди ограждались не только воспитательно-агитационными мероприятиями, но и системой ограничительных мероприятий для изоляции их от западных соблазнов и искушений. В эту систему включалась организованная недоступность иностранной научной и художественной литературы; изъятие из музеев шедевров западной живописи и крестовый поход на поклонников и пропагандистов ее в среде советских художников; активная пропаганда музыки русских и советских композиторов в противовес музыке западных композиторов и т. д. Особенно рьяными борцами с низкопоклонством были те беспринципные и невежественные лизоблюды, которых в большом количестве расплодил сталинский режим и которые с таким же усердием разоблачали «низкопоклонников» и «низкопоклонство», поносили Запад с тем же рвением, с каким до этого (да и после этого) лизали ему пятки и менее приличные места.

Борьба с космополитизмом вылилась в борьбу за выявление приоритета русских и советских авторов в области науки, техники, прикладного естествознания. Как это знает история науки, нередко трудно установить, кто был первым, Этому даже посвящена специальная книга зарубежного автора под названием – «Кто первый?». В любой области науки можно проследить лестницу идей и фактов, завершившуюся последней ступенью в виде сформулированного научного закона, развернутой научной теории, технического воплощения. Тот, кому удался синтез всего накопленного его предшественниками, тот и имеет право на творческое авторство, а не тот, кто первый высказал соответствующую идею в абстрактной или гипотетической форме. Научное предвидение, несмотря на всю его иногда колоссальную роль в развитии соответствующей области науки, все же требует творческого развития, чтобы стать открытием. Часто необходимо добросовестное научно-историческое

исследование для восстановления приоритета в тех случаях, когда он по разным причинам не был своевременно закреплён. Такой вклад в сокровищницу национальной науки должен быть внесен, как ее национальная гордость.

К сожалению, в советской медицинской и биологической науке погоня за приоритетами приняла в ряде случаев характер недостойной возни, оскорбительной для действительно огромного вклада, который внесли русские и советские ученые в мировую науку и который нигде не оспаривается, вызывая признательное восхищение. Эти соображения не были доступны беспринципным и невежественным борцам за приоритет отечественных ученых. Поскольку авторство ряда крупных исследований в восстановлении не нуждалось ввиду его полной и общепризнанной очевидности (например, И. П. Павлов), то свой пыл «квасные» патриоты направили на частные, иногда мелкие достижения, не имеющие большого значения. В своих поисках они опирались на общие приемы борьбы с космополитизмом и «низкопоклонством», и поддержкой им были установки временщика Лысенко на игнорирование «разлагающейся буржуазной науки».

Оторванное от мировой науки поколение медиков и биологов варилось в собственном соку и в соку невежества. Для наиболее же пронырливых деятелей массовый отрыв от зарубежной литературы облегчал использование ее для скрытого плагиата и выдачу его за оригинальное исследование. Так борьба с низкопоклонством и за приоритеты давала не только ореол патриотического борца, но была и меркантильно выгодной.

* * *

Борьба с космополитизмом с ее идеологической и политической платформы, разумеется, перешла и на платформу организационную. В московских медицинских вузах она была реализована в массовом изгнании профессоров и преподавателей еврейской национальности. Во 2-м Московском медицинском институте были уволены профессора Э. М. Гельштейн, И. И. Фейгель, Я. Г. Этингер, А. М. Гринштейн, А. М. Геселевич и другие. Все они – известные ученые и специалисты. Все упомянутые, кроме Геселевича, были арестованы по «делу врачей». Процедура увольнения и поводы к ней были стереотипными. Назначалась комиссия, обследовавшая работу кафедры и клиники, руководимой этими профессорами, с посещением лекций этого профессора. Разумеется, комиссия обнаруживала ряд крупнейших дефектов в работе этого профессора, выводы комиссии обсуждались на ученом совете института или только в партийной организации (если профессор был членом КПСС), после чего выносилось решение об увольнении профессора. Иногда председатель «разгромной» комиссии или активный ее деятель был лично заинтересован в изгнании зав. кафедрой, поскольку ему было обещано, что он будет ее наследником. Вообще же изгнание евреев-профессоров из медицинских вузов открыло неожиданный легкий путь к кафедрам многим бездарным тупицам, прозябавшим около науки без надежды на ее признание. Научная активность для них была бесперспективной, ведь здесь требуются способности. Проще было использовать свою политическую локтевую активность, патриотически направленную против космополитов; она была беспроблемной по результатам. Высшее руководство имело представление о том, как массовое увольнение опытных педагогов и ученых-медиков отразится на педагогическом, лечебном и научном процессе. Но оно, не скрывая этого, смотрело на это, как на необходимую острую болезнь, которой надо переболеть во имя светлого будущего медицинских вузов Москвы, Ленинграда и крупных центров без евреев. Сами же преемники вакантных мест без страха и сомнения занимали их. Они были убеждены в том, что ум присваивается вместе с должностью. Этот принцип, сформулированный великим русским сатириком, они приняли всерьез, как догму и как руководящее жизненное правило.

Процедуру изгнания человека из той области, в которую он вложил весь свой талант ученого и педагога, могу иллюстрировать изгнанием моего близкого друга Э. М. Гельштейна.

Э. М. Гельштейн являлся одним из типичных представителей того поколения медицинских работников, которое активно участвовало в становлении советской медицины в ее практической и научной части, в подготовке и воспитании кадров врачей, покрывших себя славой в Великую Отечественную войну.

Э. М. Гельштейн быстро выдвинулся в первые ряды творческой медицинской молодежи, и не было ничего неожиданного в том, что коммунисту Э. М. Гельштейну в 1931 году (ему было в это время 34 года) было предложено занять кафедру терапии и факультетскую терапевтическую клинику во 2-м Московском медицинском институте. В течение 21 года с перерывом в период Великой Отечественной войны он с блеском руководил этой кафедрой, проявив талант педагога и организатора научного и лечебного процесса. Во всех этих областях его работа неоднократно получала одобрение с разных сторон. К началу Отечественной войны Э. М. Гельштейн имел прочно сложившуюся репутацию выдающегося ученого-клинициста. Он был первым крупным советским ученым-медиком, в первые же дни Отечественной войны он одновременно со мной заявил о желании добровольно вступить в Советскую Армию. Он получил назначение на Ленинградский фронт на должность главного терапевта фронта.

Надо ли говорить о тяжести этого фронта в условиях блокады. Работа Гельштейна была отмечена рядом правительственных наград, присвоением ему почетного звания заслуженного деятеля науки. Блокадная гипертоническая болезнь, поразившая многих людей осажденного Ленинграда, не пощадила и его, и он возвратился с фронта с тяжелой формой этой болезни, закончившейся его ранней смертью в 1955 году. После демобилизации он вернулся в клинику к обычной работе, мужественно преодолевая болезнь и скрывая ее от окружающих.

Но постепенно над его головой начали сгущаться тучи, одновременно или с небольшой задержкой сгущавшиеся и над другими аналогичными головами. Атаку открыла многотиражная газета 2-го Московского медицинского института инспирированной статьей, в которой вся деятельность профессора Гельштейна подвергалась не критике, а поруганию. Это был наглый пасквиль в стиле того времени, в котором охаивались и его лекции, на которые якобы студентов загоняли силой, и общее руководство клиникой, и научная работа. Это был удар, потрясший самолюбивого профессора беззастенчивым, наглым искажением действительности, с полным откровенным простором для безнаказанной клеветы.

На эту атаку Э. М. Гельштейн реагировал чрезвычайно тяжело – с личных позиций незаслуженной обиды; он не видел в ней общественного явления, сфокусированного в данном случае на нем. Затем события развернулись по обычной схеме с привлечением в атаку некоторых сотрудников кафедры (особенно одну из ближайших сотрудниц), обсуждением его деятельности на партийном собрании в обычном стиле того времени. Здесь же на собрании у него развился инфаркт сердца. Затем последовало обсуждение материалов комиссии, подтвердивших, конечно, материалы статьи и дополнивших ее клеветнический характер. Он позвонил мне утром после этого заседания, прося заехать к нему, и я никогда бы не мог себе представить этого гордого, самолюбивого и сдержанного человека в безудержных рыданиях, в которых я его застал. В этих рыданиях уже немолодого человека, прожившего жизнь в окружении всеобщего признания его достоинств человека ученого, с всеобщим уважением, была глубокая боль от незаслуженной обиды. Это не прошло бесследно для его сердца, подорванного в ленинградской блокаде, развились новые инфаркты с последующей аневризмой сердца, и он сам подал заявление об уходе с кафедры.

В 1953 году он также был арестован по «делу врачей» и вскоре (в 1955 году) умер.

* * *

Попутно я должен коснуться некоторых событий, имевших непосредственное отношение к включению меня в круг «убийц в белых халатах», характеристики общей обстановки в медицинском мире, предшествовавшей «делу врачей», и некоторых лиц.

В числе сотрудников по прозектуре 1-й Градской больницы была Клеопатра Горнак. Это была в описываемую пору довольно миловидная молодая женщина, мешаночка по культурному уровню и жизненным запросам, среднего уровня интеллектуальности, компенсируемой хитрецей с средними профессиональными способностями, но с карьеристской хваткой. В 1940 году она была направлена ко мне в аспирантуру, но мое научное руководство было прервано осенью 1941 года войной и моим участием в ней, а практическое – возобновилось только в конце 1945 года в прозектуре больницы, в штате которой она состояла.

Некоторые детали ее положения в прозектуре и взаимоотношений со мной я вынужден осветить, поскольку они получили звучание в событиях 1953 года.

За время моего многолетнего пребывания на фронте Клеопатра Горнак установила постоянный контакт с профессором Б. Н. М. В течение всего этого периода Б. Н. осуществлял руководство Клеопатрой Горнак, дал ей диссертационную тему, примитивную по замыслу и бездарную по ее научному смыслу, но беспроектную по требованиям того времени к кандидатским диссертациям. Ее заинтересованность в сохранении связи с Б. Н. определялась более легким достижением кандидатской степени, чем с моей требовательностью.

По линии практической работы патологоанатома, т. е. по больничной прозектуре, Клеопатра Горнак была в моем подчинении, но двойственность положения создавала известную напряженность отношений.

Однажды летом 1951 года (или 1952 года – точно не помню) Клеопатра Горнак сообщила мне, что ее вызывают на следующий день в МГБ и что причину вызова она не знает. Мне до сих пор не ясно, почему она информировала меня об этом, тем более что всякий вызов в это учреждение сопровождался предупреждением о секретности. Несомненно она догадывалась (или уже знала), что этот вызов связан со мной, и, может быть, из лучших побуждений хотела предупредить меня об этом. Когда же я спросил ее после визита в МГБ о причине вызова (после ее информации об этом визите я имел право на такой вопрос), то она сказала, что ее вызывали в связи с пропиской ее матери в Москве (она приехала с Украины), но содержание ответа и его форма не оставляли сомнения в том, что это подготовленная и, вероятно, продиктованная увертка. Она, возможно, получила задание наблюдать за моей деятельностью.

Она стала держать себя более независимо и даже вступать со мной в дискуссии при обсуждении данных отдельных вскрытий, где, по ее мнению, обнаруживались грубые недостатки лечения. Я несколько раз делился с профессором А. Б.

Топчаном, главным врачом больницы и моим другом, о сложности моих взаимоотношений с Клеопатрой Горнак, и однажды, когда я высказал желание избавиться от нее, ему изменила его постоянная сдержанность и в сильном возбуждении он шепотом воскликнул: «Если мы ее тронем пальцем, то завтра нас с тобой здесь не будет, понял?» Этим он ясно дал мне понять, что ему известно, как руководителю учреждения, о роли Клеопатры как информатора МГБ.

Забегая вперед, скажу, что даже детали моих взаимоотношений с Клеопатрой Горнак и роль в них Б. Н. М. были известны в МГБ, что стало ясно из некоторых реплик моего следователя.

Мне запомнился конфликт с Клеопатрой Горнак, возникший при анализе материалов одного вскрытия и раскрывший ее роль, поскольку этот случай выплыл в процессе след-

ствия. Речь шла о молодой женщине, родившей в акушерско-гинекологической клинике профессора И. И. Фейгеля (он тоже был в дальнейшем в числе «врачей-убийц») здорового ребенка. Спустя несколько дней после родов у нее возникли тяжелые явления со стороны головного мозга, от которых она погибла. Вскрытие производила Клеопатра Горнак, и, зайдя в секционный зал к концу вскрытия, я застал следующую немую картину: по одну сторону секционного стола с вскрытым трупом женщины стоит в обличительной позе Клеопатра Горнак, по другую сторону – бледный как полотно, помертвевший, раздавленный профессор И. И. Фейгель и несколько его сотрудников в таком же состоянии. Разъяснение этой драматической сцены я получил от Клеопатры Горнак: она обнаружила тромбоз венозных сосудов твердой оболочки мозга с тяжелыми расстройствами мозгового кровообращения и объяснила развитие тромбоза сепсисом, т. е. послеродовым заражением крови.

По реакции профессора И. И. Фейгеля и его ассистентов было очевидно, что в этом заключении содержалась какая-то устрашающая угроза, повергшая их в шок.

Послеродовой сепсис – неприятное событие для родильного дома. Каждый случай такого осложнения обсуждается в специальной комиссии из специалистов-акушеров с детальным выяснением всех обстоятельств его возникновения, с принятием ряда эпидемиологических мероприятий для профилактики его распространения в роддоме. Это – чрезвычайное происшествие, но не такое уж исключительное, чтобы повергать в мистический ужас стоящих у секционного стола врачей, особенно – профессора Фейгеля, заведующего клиникой. Как правило, сепсис у роженицы источником своим имеет какой-то болезненный очаг, имевшийся у нее, и чрезвычайным происшествием является внесение инфекции медицинским персоналом при родовспоможении. В нормальных условиях все эти обстоятельства устанавливаются объективным и тщательным анализом, в котором клиника всегда бывает заинтересована. В данном случае, по-видимому, она не могла рассчитывать на такую объективность, очевидно, для этого не было нормальной обстановки. Отсюда – ужас перед последствиями, оправдываемый предысторией, непосредственно предшествовавшей описываемым событиям. Предыстория же такова. На профессора Фейгеля, члена КПСС, в течение некоторого времени велась энергичная атака, как и на многих профессоров еврейской национальности, заведующих кафедрами во 2-м Московском медицинском институте. Атакующие действовали по стереотипному шаблону. Они стремились доказать профессиональное несоответствие профессора руководству клиникой – И. И. Фейгель до того времени успешно руководил клиникой на протяжении более 20 лет. Кроме того, ему инкриминировались какие-то опыты на русских (именно!) женщинах, наносящие ущерб их здоровью. Главварем атакующей группы был профессор Ж.

Для меня стали очевидны та сила и те средства атаки, которым подвергается профессор Фейгель, и поэтому не было ничего удивительного в том, что заключение Клеопатры Горнак о послеродовом сепсисе прозвучало для него похоронным звоном. До сих пор я не могу решить, было ли это заключение только результатом невежества, поскольку каких-либо общеизвестных, классических признаков сепсиса не было ни в клинической картине болезни, ни в материалах вскрытия. Единственной находкой на вскрытии был тромбоз вен твердой мозговой оболочки, и, не имея в своей эрудиции объяснения причины его развития, она привлекла совершенно произвольное, лишенное обоснования объяснение: сепсис с тромбозом вен оболочек мозга. Для того чтобы раскрыть для читателя абсурдность такого заключения, следовало бы изложить патологию сепсиса и критерии его диагностики в клинике и на секционном столе.

Общедоступным языком сделать это чрезвычайно трудно. Поэтому прошу верить моему более чем полувековому опыту и моей эрудиции: сепсиса здесь не было даже в намеке. Как показал анализ истории болезни, у роженицы были до родов нарушения в составе крови, которые явились основой для развития тромбоза в послеродовом периоде

с нередкой склонностью в этом периоде к нарушениям в свертывающей системе крови. Однако Клеопатра Горнак, по-видимому, решила остаться верной своей невежественной версии, и случай этот, наряду с другими, был в моем уголовном досье в МГБ в качестве одного из доказательств сокрытия мной преступных действий евреев-профессоров.

Что касается профессора Фейгеля, то его судьба, как заведующего кафедрой, была предрешена, а освободившуюся кафедру получил атакующий Ж.

При таком профессиональном и этическом уровне профессор Ж. в моих действиях, совершенно корректных и объективных (тем более, что я знал, с кем имею дело), усматривал при деловых контактах и стремление нанести ущерб его профессиональному достоинству.

Однажды при случайной встрече в фойе Дома ученых осенью 1952 года он выразил мне в каких-то неопределенных выражениях его оценку моих действий и заключил ее словами: «Ну, ничего, ничего, скоро Вы узнаете...» Что я узнаю, он недосказал, остановился, но в этих словах была совершенно открытая угроза, и я действительно «скоро узнал...». В одном из предъявленных мне обвинений – скрытые злодеяния еврейских террористов и дискредитация честных советских ученых – я легко узнал участие Ж.

Рассказанные истории – типичный пример для того времени; вариации могли касаться только реакции сердца в зависимости от эмоциональной устойчивости субъекта (разовьется или не разовьется инфаркт!).

* * *

Подобные события отнюдь не способствовали созданию и сохранению обстановки в вузе, необходимой для творческой, научной и педагогической работы. На еще не изгнанных профессоров давило ожидание изгнания и психологическое давление общей атмосферы. Многие профессора, независимо от их национальной принадлежности, жаловались на напряжение, с которым они читали лекции; чрезвычайно мешала скованность, из-за боязни не так выразиться, быть неправильно понятым, дать повод для политического искажения формулировок и т. д. Лекции подслушивались «уловителями» «космополитических и других идеологических извращений» (медицину надо было оберегать от них!).

Боялись использования технических достижений для такого подслушивания (магнитофонные замаскированные записи). Все это создавало иногда трагикомические ситуации и эпизоды. Один из них, характерный для описываемой эпохи, заслуживает передачи.

Действующие лица этого эпизода: 1. Профессор А. М. Чарный, зав. кафедрой патологической физиологии Центрального института усовершенствования врачей, человек крайне осторожный и живущий в постоянной боязни неприятностей и их ожидании. 2. Профессор Ш. Д. Машковский, член-корреспондент Академии медицинских наук, заведующий кафедрой паразитологии того же института, ученый с мировой известностью, безупречной порядочности и высокой общей культуры.

Однажды в осенний вечер 1952 года у меня в кабинете раздался звонок, и я услышал взволнованный голос А. М. Чарного. Передаю разговор с ним почти дословно. «Яков Львович, скажите, профессор М., кажется, Ваш друг?» Я, разумеется, ответил утвердительно (он один из ближайших многолетних друзей моих и всей семьи). «В таком случае, – продолжал А. М. Чарный, – я должен Вас предупредить, чтобы Вы были с ним осторожны, он подлец и провокатор!» Я сначала даже не понял, о ком идет речь, поскольку такая характеристика никак не ассоциировалась с личностью Ш. Д. Машковского, и, переспросив А. М. Чарного, о ком идет речь, получил подтверждение, что речь идет именно о Ш. Д. Машковском. На вопрос «Что произошло?» А. М. ответил, что я еще не знаю о его выступлении в сегодняшнем заседании совета профессоров института. Я был потрясен. Я не допускал мысли о каком-либо подлом поступке Ш. Д.

Машковского, но подумал, что, возможно, он, вследствие плохой ориентации в общей обстановке, допустил какой-нибудь ляпсус, вызвавший такую характеристику. Оказалось, что «провокационное» выступление Ш. Д. Машковского заключалось в том, что он говорил о желательности снабжения кафедр магнитофонами для записи лекций. У меня отлегло от сердца. Я вспомнил, что Ш. Д. Машковский неоднократно выражал сожаление об отсутствии магнитофона, т. к. многие интересные мысли, возникающие по ходу чтения лекции, потом ускользают из памяти. Я полностью разделял это желание Ш. Д. Машковского, т. к. всякая лекция, если она не стандартно и стереотипно вызубренная, действительно творческий процесс, заслуживающий фиксации в записи. Я спросил у А. М. Чарного, в чем же он усматривает подлый, провокаторский характер этого выступления, и сказал, что соображения о необходимости магнитофона я неоднократно слышал от Ш. Д., на что Чарный ответил: «Как! Вы разве не понимаете, что он хочет, чтобы лекция была записана на магнитофон!» Я понял опасения А. М. Чарного. Патологическая физиология – одна из основных теоретических дисциплин в медицинском курсе, а в теории медицины в ту пору был полнейший разброд, особенно в связи с происходившими дискуссиями, и любое высказывание могло оказаться крамольным или быть признанным таковым чиновными бюстителями методологической чистоты в теориях медицины. Недостатка в таких чиновниках, даже с учеными степенями и званиями, желающих погреть карьеристские руки на методологической бдительности, не было. Я видел в этом эпизоде только комическую сторону, хотя смешного в нем, по существу, мало, но Ш. Д. Машковский был крайне смущен, когда узнал о неожиданной интерпретации его невинного для нормального общества выступления.

Я не могу охватить весь политический горизонт периода, предшествовавшего «делу врачей» и подготавливавшего его. Я могу лишь осветить его с точки зрения личных восприятий, как мощного психологического напора, идущего из разных областей общественной жизни и закончившегося этим «делом». Арестована академик Л. С. Штерн. Разгромлен и арестован еврейский антифашистский комитет почти в полном его составе. Трагическая судьба его – казнь всех 12 августа 1952 года – стала известна позднее. Это был расстрел еврейской культуры в СССР, уничтожение лучших ее носителей. До этого – трагическая гибель (преднамеренное и организованное убийство) замечательного артиста С. М. Михоэлса (Вовси). Наконец, процесс Сланского в Чехословакии.

Здесь впервые прозвучали откровенные антиеврейские нотки – участие «сионистов» в чудовищных преступлениях, их сотрудничество с гестапо, роль в гибели Фучика. В этом же процессе участвовали и врачи, обвинявшиеся в злонамеренном, ведущем к гибели лечению своих пациентов из круга видных политических деятелей Чехословакии. Помню свою оценку этого известия и впечатление, произведенное им на меня. Не надо было быть пророком, чтобы предвидеть, что этот процесс и его идеологическая основа – прелюдия к развитию аналогичных явлений и у нас, что в этом вопросе мы не отстанем от Чехословакии. Да и ясно было, что инициатива здесь исходила не от Чехословакии – аналогичного опыта еще у них не было. Для меня было также ясно, что антиеврейские нотки в этом процессе и участие в нем врачей – действительно только прелюдия к постановке его и у нас в более мощной форме, в соответствии с величиной державы. Все лето и осень 1952 года были под угнетающим впечатлением этого дела.

* * *

Были и более мелкие симптомы в советском медицинском и непосредственно окружающем меня мире. Симптомы начались еще до дела Сланского, некоторые дошли до меня значительно позднее, и я о них не подозревал; это были, выражаясь медицинскими терминами, скрытые симптомы продромального периода, который, как впоследствии выяснилось,

был довольно длительным. Первый откровенный симптом был зимой 1950/1951 года в виде телефонного звонка в мою квартиру на Б. Афанасьевском переулке. В ответ на мое «алло» я услышал глуховатый голос, без всякого обращения сказавший: «Слушайте и не повторяйте, никому ничего не говорите. Говорят из МГБ. Завтра в 3 ч. дня будьте на Волхонке у дома N... (кажется, 7). Вас встретят». Тон был абсолютно императивный и не допускавший возражений или отговорок. Надо ли говорить, как я был взволнован этим приглашением, о смысле и цели которого я не строил никаких догадок. Я только понимал, что шутить с этой организацией нельзя и что придется идти. В назначенное время я был у этого дома; ко мне подошел высокий мужчина (я не помню – в шинели сотрудника МГБ или в штатском пальто) и пригласил войти в квартиру на первом этаже, двери которой открывались прямо на улицу. Это была, судя по обстановке, обычная жилая квартира из нескольких комнат.

В одной из них сидела какая-то женщина с внешностью домработницы, которая что-то шила или вышивала и, когда мы проходили мимо нее, не обратила на нас никакого внимания. Что это была за квартира, – обычная ли жилая квартира, принудительно заарендованная у хозяев для «деловых свиданий», или квартира специального назначения в системе МГБ для той же цели, – для меня осталось загадкой, над которой я не стал ломать голову, хотя сама обстановка удивила меня своей обывательской будничностью и мещанским уютом. Я со спутником прошел в крайнюю из комнат, и произошла «задушевная» беседа.

Началась она с вежливого осведомления о моем здоровье и самочувствии и еще с каких-то осведомительных общих вопросов, на которые я давал такие же общие ответы. В большом, но тщательно скрываемом напряжении я все ж ждал даже с некоторой долей любопытства раскрытия тайны моего приглашения: не для осведомления же о моем здоровье меня пригласили. Эта тайна скоро раскрылась.

Капитан начал с информации о сложной и тревожной общей политической ситуации, в которой находится страна, окруженная со всех сторон врагами, что враги находятся и внутри страны, тщательно маскируясь, и что необходима неусыпная бдительность для обезвреживания их коварных замыслов. Для этой благородной цели МГБ нуждается в моей помощи. Короче говоря, я сразу понял, что идет вербовка меня в осведомители.

Я недоумевал, почему выбор пал на меня, чем они руководствовались, но это я понял позднее. Из дальнейшей беседы (она носила в большей степени односторонний характер) я понял, что моего собеседника специально интересует настроение еврейской части населения Москвы: разговоры, которые ведут евреи между собой (на каком языке?), особенно те, в которых затрагиваются политические проблемы, в частности, связанные с США и Израилем.

Занятая мной позиция в этом собеседовании отнюдь не была оригинальной.

Существо моей позиции стереотипное: я – советский человек и член КПСС, и, если бы я заметил какие-либо подозрительные действия или явления, мой долг был бы немедленно сообщить о них в соответствующие органы, не дожидаясь приглашения в сотрудники. В последние же я абсолютно не гожусь по общему складу своего характера. К тому же по роду своей деятельности я больше имею дела с трупами, чем с живыми людьми. Объем и характер моей информированности крайне ничтожен, а круг лиц, с которыми я общаюсь, ограничен небольшим числом медиков, главным образом профессоров, и контакты с ними имеют чисто профессиональный характер. Тогда мой собеседник просил назвать лиц, с которыми я общаюсь. Перечень мой содержал профессоров, с которыми у меня существует непосредственное общение (Абрикосов, Аничков, Виноградов, Лукомский, Бакулев, Преображенский, Давыдовский и др.). Я не мог не включить в группу лиц, с которыми я встречаюсь, моих самых близких друзей – Э. М. Гельштейна и А. А. Губера, полагая, что мои многолетние дружеские связи с ними, безусловно, уже известны. Все указанные мной фамилии были записаны собеседником. Этот список во время моего пребывания под следствием по «делу врачей» фигурировал и обсуждался в допросах. Капитан интересовался моим служебным положением,

жилищными условиями, говоря, что его организация может их значительно улучшить. От этого содействия я категорически отказался, ссылаясь на отсутствие у меня необходимости в их улучшении. В общем, как говорится в официальных бюллетенях, стороны после длительного собеседования ни к какому соглашению не пришли, и мой собеседник при расставании не скрыл разочарования и недовольства по этому поводу.

* * *

Я полагал, что «инцидент» этой встречей исчерпан и я буду оставлен в покое. Но я недооценил настойчивости «органов» в достижении своих целей и того, что они рассчитывали не только на квартирную и служебную приманку, как на пряник, но и на кнут, который был в их руках и который был пущен в ход в дальнейшем.

Спустя некоторое время после этой встречи (я не помню – какое) снова раздался телефонный звонок, и я услышал уже знакомый мне голос, пригласивший меня явиться на следующий день в вестибюль гостиницы «Москва» к 4 часам дня, где он меня встретит у газетного киоска. Я попытался уклониться от встречи ссылкой на свою служебную занятость в этот день, но, конечно, это было наивной отговоркой. Капитан обещал, что он договорится с руководством института о том, чтобы меня освободили к этому часу от служебных дел. Он отлично понимал, что я предпочту сам урегулировать этот вопрос, чем прибегнуть к посредничеству «органов». Шел я на это свидание уже снабженный опытом первого и с твердым решением бескомпромиссного, твердого и резкого отказа, с готовностью на все, вплоть до самого худшего. Я решил, что не должен оставить у них и тени сомнения в том, что им не удастся меня сломить в моем решении, что оно должно быть категоричным без всяких оттяжек и увиливаний, вроде – я подумаю, взвешу, потом дам ответ и т. д. Я понимал, что если в моих ответах будет хоть ничтожная, микроскопическая щель, то они в нее влезут. И я шел на это свидание с полной готовностью к тому, что я с него не вернусь. У киоска меня встретил тот же капитан, в лифте поднял меня на какой-то этаж и ввел в гостиничный номер, где нас ждал, сидя в кресле, военный в форме полковника МГБ (чин по тому времени высокий). Завязался разговор в стереотипном содержании, но уже с совершенно откровенным подчеркиванием, что МГБ нужны сведения о евреях, что нужно знать об их настроениях, антисоветских намерениях и что здесь нужна не моя патриотическая и партийная самостоятельность, а направленная и регулируемая деятельность. Эта часть разговора шла в резком ключе. Полковник сказал, что их интересует многое, например, о чем говорят за обеденным столом в интимном кругу у начальника Главугля. Он назвал еврейскую фамилию начальника, которую я тут же забыл. Может быть, я перепутал его должность, но в ее названии слово «уголь» было. Я удержался от вопроса о том, как я могу попасть за стол к этому «углю», о котором понятия не имею (как и он обо мне), т. к. сообразил, что в этом вопросе будет та самая щель, которой я опасался, и что заботу обеспечить меня застольем у «угля» они возьмут на себя. Полковник держал в руках список лиц, с которыми я встречаюсь, записанный капитаном при первой встрече, и, упершись в фамилию «Губер», сказал, что следовало бы его «прощупать». Я сказал, что Губер не медик, а искусствовед, на что полковник подал реплику, что искусствоведы их тоже интересуют. Но я добавил, что Губер – не еврей, а 100-процентный русский, после чего интерес к нему со стороны полковника сразу угас. Возник вопрос об Израиле, о мечте евреев уехать туда.

Я сказал, что о таких мечтаниях мне ничего неизвестно, по крайней мере от тех евреев, с которыми я встречаюсь, а если таковые имеются, то, по моему мнению, в них Советский Союз не нуждается, пусть едут. На это последовала реплика полковника: «А если мы не заинтересованы в их отъезде?» Постепенно тон полковника из первоначально спокойного, хотя и враждебно-холодного, стал возбужденно-резким, после моего совершенно категори-

ческого отказа с ссылкой на то, что по общему складу своего характера я для роли осведомителя не гожусь и что я не слышал ни разу никаких криминальных высказываний от моих собеседников евреев. Тогда он задал мне в лоб вопрос: «И вы никогда не слышали, как ученые-евреи говорят, что головы у нас не хуже, чем у американских ученых, а работаем мы хуже?» Я внутренне похолодел. Я сразу узнал эту фразу: она принадлежала мне. Я произнес ее в беседе с одним отдыхающим в санатории «Истра» зимой 1949/1950 года. Я говорил ему о постановке дела в наших научных институтах, что, несмотря на большие затраты на науку в СССР, в силу плохой организованности научной работы, научная отдача у нас низкая, хотя головы наши не хуже, чем у американских ученых.

Услышав от полковника эту фразу, вырванную из контекста осведомителем (собеседник безусловно был им), я понял, что я на крючке, что это тот кнут, которым хотят меня запугать и заставить сдаться. Я сделал вид, что просто не понимаю криминального смысла этой фразы, и, по-моему, она свидетельствует о патриотизме автора ее, его заботе, о советской науке. В общем, разговор окончился руганью (разумеется, односторонней) и приказом: «Убирайтесь вон», отнюдь не обидевшим меня грубой формулировкой. Я с радостью его исполнил, унося ощущение, что такое внимание к евреям (1950 г.) – грозный, зловещий признак.

* * *

На этом, однако, эпизод с вербовкой меня в осведомители не кончился.

Кончился он осенним вечером 1950 года или весной 1951 года, когда я получил вызов явиться в военкомат по адресу какого-то переулочка на Сретенке, т. е. в районе Лубянки, а не в моем районе. Не надо было быть очень сообразительным, чтобы понять, каков в действительности этот военкомат в районе Лубянки, вдали от моего района и вблизи от МГБ. Я ничего не сказал жене, но решил, что на случай моего неожиданного исчезновения она должна быть информирована о его причине. Поэтому я отнес моим самым близким друзьям те небольшие денежные сбережения, которые у меня были, скромные семейные ценности и предупредил друзей о моем возможном невозвращении из «военкомата». В пустынном помещении военкомата я застал ожидавшего меня молодого человека, под диктовку которого я написал о своем отказе от связи и сотрудничестве с органами МГБ и обязательство о сохранении в тайне переговоров, которые со мною вели. Все это я без колебаний подписал. На этом вся эпопея с вербовкой в осведомители кончилась, и она снова всплыла лишь в ходе следствия по «делу врачей».

Прочитав меня самого, полковник дал мне ясно понять, что я у них на виду не только как потенциальный, но неудавшийся сотрудник, но и как потенциальный объект их основной деятельности. Впрочем, к этой мысли многие советские люди привыкли, сжились с ней. Она все время существовала в подсознании, откуда сигналы обреченности периодически прорывались в сознание «при каждой новой жертве боя». Но великая сила приспособляемости человеческой психики допускала «мирное сосуществование» этой реальности с повседневной работой, с повседневными заботами, с волнениями профессионального, творческого и бытового характера. Про себя, а иногда вслух в обществе близких и проверенных друзей я лишь цитировал ироническую фразу из «Бориса Годунова» – «Завидна жизнь Борисовых людей...». Так живущая в подсознании уверенность в неизбежности финала естественного жизненного пути не мешает ощущать жизнь во всей ее многогранности, сохранять остроту вкуса к ней и радоваться ей. Поэтому дыхание Лубянки, в конце концов, вытиснилось из эмоциональной сферы и только всплывало в памяти, как *memento mori* – помни о смерти (эту сентенцию некоторые шутники переводят, как «не забудь умереть»).

Репрессии

Надвигался 1952 год. Сгущение политической и общественной атмосферы нарастало душающими темпами. Чувство тревоги и ожидания чего-то неотвратимого достигало временами мистической силы, поддерживаемое реальными фактами, один за другим наслаивавшимися на общий фон. В декабре 1950 года арестован профессор Я. Г. Этингер и его жена. Их аресту предшествовало таинственное исчезновение их приемного сына – Яши, студента Московского университета. Он утром ушел в университет и бесследно исчез. Я. Г. Этингер строил разные предположения насчет его исчезновения.

Пользуясь своими личными связями с крупными работниками Министерства госбезопасности (МГБ), которых он лечил, он обращался к ним за помощью в розысках пропавшего сына, который, может быть, пал жертвой преступления со стороны каких-либо его товарищей, завлекших его для этого за город. Его заверили именитые пациенты из МГБ, что принимаются все меры к розыску пропавшего, но пока они безрезультатны. Как и следовало ожидать, он в это время находился в заключении МГБ, будучи арестован на улице по дороге в университет. На языке МГБ этот прием носил название «секретное снятие», цель которого в данном случае совершенно неясна, если исключить заведомое садистское стремление доставить дополнительные волнения профессору. Впрочем, пути МГБ неисповедимы. Накануне ареста Я. Г. Этингера я его навестил, настроение было чрезвычайно подавленное у этого всегда самодовольного человека. В последующие дни я неоднократно звонил ему по телефону, чтобы узнать, нет ли сведений об Яше, но на звонки никто не откликался.

Нетрудно было догадаться, что за этим молчанием скрывается «что еще», но проверка догадки не заставила долго ждать. Канули в трагическую неизвестность также писатели, поэты, литераторы, артисты, ученые – члены еврейского антифашистского комитета. Та же судьба постигла академика Л. С. Штерн. Летом 1952 года (а некоторые в 1951 году) из кремлевской больницы были изгнаны без объяснения причин многие выдающиеся клиницисты, работавшие там много лет в качестве консультантов, лечившие выдающихся деятелей Советского государства. В их числе – М. С. Вовси, В. Н. Виноградов. Арестованы бывший начальник санупра Кремля, т. е. кремлевской больницы А. А. Бусалов, профессор П. И. Егоров, профессор Я. Г. Этингер, врач С. Е. Карпай. Отстранены от работы академик А. И. Абрикосов и его жена Ф. Д. Абрикосова-Вульф (патологоанатом) и многие другие.

С опозданием я узнал о том, что из числа патологоанатомов первой жертвой, попавшей под тяжелый удар (арестован), был рядовой сотрудник патологоанатомического отделения кремлевской больницы А. Н. Федоров. После освобождения он вскоре исчез из моего поля зрения, и я, к сожалению, ничего не могу сообщить ни о его дальнейшей жизни, ни об инкриминированных ему обвинениях (вероятно, были стереотипы, и он, по-видимому, не был информирован о том, чем вызван интерес к некоторым сторонам его деятельности в больнице).

Мелкий, но характерный штрих того периода. Он касается моей старшей дочери – Ноэми (Ляля), окончившей летом 1952 года 2-й Московский медицинский институт. При распределении оканчивающих на работу ей дали назначение в распоряжении МГБ на Сахалин, т. е. практически обслуживать концентрационный лагерь. Назначение она приняла безропотно, оценивая ситуацию. Я понимал, что в этом назначении, которое может выдержать здоровый мужчина, а не слабая девушка, сыграла роль личность отца, т. е. моя, и решил изложить свою оценку зам. министра здравоохранения А. Н. Шабанову. Тот с ней, по-видимому, согласился, неожиданно вырвавшимся восклицанием: «Да, это уже чересчур!» Назначение было заменено направлением в Великие Луки, которое начальник Управления кадров Минздрава изменил на Торопец, куда она и отправилась работать.

* * *

Наступила глубокая осень, последняя осень сталинской эпохи. События приближались к их кульминационному пункту. Из уст в уста передаются слухи один страшнее другого. Органами МГБ раскрыт «еврейский» заговор на Московском автомобильном заводе. Произведены массовые аресты, внесшие опустошение в руководящий инженерный состав. Попытки директора завода Лихачева, чье имя носит сейчас завод, вмешаться в эту акцию остались тщетными. Раскрыты «еврейские» заговоры в Московском метрополитене и другие.

Поползли по Москве зловещие слухи, проверка которых была сопряжена с большим риском. Говорят, что арестованы профессора М. С. Вовси, Б. Б. Коган, В. Н. Виноградов, А. И. Фельдман, но как проверить эти слухи? Нельзя проявлять активного интереса к ним и даже произносить интересующие вас фамилии – это опасно. Надо делать вид, что ничего не произошло. Но постепенно приходило подтверждение слухов разными путями. Сын В. Н. Виноградова – В. В. Виноградов (теперь профессор-хирург) был ассистентом А. Н. Бакулева, клиника которого помещалась в 1-й Градской больнице. Однажды он пришел в прозекутуру по какому-то делу, вид у него был убитый; я осторожно спросил: «Что с отцом?» Он ответил кратко: «Плохо». Все стало ясно. Количество арестованных профессоров-медиков нарастало (В. Х. Василенко, А. М. Гринштейн, его жена профессор Попова, Б. С. Преображенский, М. Н. Егоров и многие другие).

Медицинский мир не только подавлен, он раздавлен. Никто не понимал в чем дело, но ясно было, что речь идет о «раскрытии» обширного заговора медицинской верхушки, и каждый еще находящийся на свободе член этой верхушки ждал своей участи. Я помню встречу наступающего Нового, 1953 года в кругу близких друзей. Настроение было далеко не праздничное, никто не ждал от наступающего года ничего хорошего и, конечно, не думал, что этот год станет годом освобождения. Я поднял тост за свободу, в ее банальном, обывательском, а не философском смысле.

Наступил памятный день 13 января 1953 года. Наконец грянул гром, и все прояснилось из сообщения ТАСС в отделе хроники, текст которого я привожу.

«1953, 13 января. Хроника.

Арест группы врачей-вредителей.

Некоторое время тому назад органами госбезопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза.

В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М. С., врач-терапевт; профессор Виноградов В. Н., врач-терапевт; профессор Коган М. Б., врач-терапевт; профессор Коган Б. Б., врач-терапевт; профессор Егоров П. И., врач-терапевт; профессор Фельдман А. И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я. Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А. М., врач-невропатолог; Майоров Г. И., врач-терапевт.

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье.

Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно, злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствующие действительному характеру их заболевания, а затем неправильным лечением губили их.

Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А. А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А. А. Жданова. Следствием установлено, что преступники также сократили жизнь товарища А. С. Щербакова, неправильно применяли при его лечении сильнодействующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти.

Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского, маршала Говорова, маршала Конева, генерала армии Штеменко, адмирала Левченко и др. (Массовый расстрел крупных советских военачальников в 1937 году не ослабил оборону страны! – Я. Р.) Однако арест расстроил их злодейские планы и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наемных агентах у иностранной разведки. Большинство участников террористической группы (Вовси, Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания международной помощи евреям в других странах.

На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса. Другие участники террористической группы (Виноградов, Коган М. Б., Егоров) оказались давнишними агентами английской разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время (ТАСС)».

* * *

Это ошеломляющее известие нормальный человеческий разум не мог вместить. Особенно это относилось к разуму людей, близко знавших лиц, перечисленных в сообщении ТАСС. Это – миролюбивые ученые и врачи, носители высшей гуманности медицинской профессии, преданные ей душой и телом, посвятившие служению ей всю свою жизнь, в подавляющем большинстве далекие от политики. Я хорошо знал всех их, со многими меня связывала дружба на протяжении многих десятилетий. Надо было иметь слишком затуманенный предыдущими процессами мозг, начиная с Шахтинского дела, процесса Промпартии, чтобы принять на веру текст сообщения и осмыслить его. Как говорили, лучше всего выразил свое отношение к этому сообщению диктор и обозреватель английского радио. Передав по радио информацию о раскрытии в Советском Союзе заговора крупнейших ученых-медиков, умерщвляющих своих пациентов, он комментировал это сообщение наиболее вероятной реакцией любого англичанина, если бы он услышал по радио сообщение о том, что король Георг умер не от болезни в глубокой старости, а был умерщвлен своим лечащим врачом – известным ученым. Англичанин воскликнул бы: «Произошло ужасное несчастье: к микрофону пробрался сумасшедший».

О реакции общественного мнения и государственных деятелей зарубежного мира сведения поступали с трудом (каналы для этого были перекрыты) и были весьма скудными. Но и та информация, которая доходила до запечатанных ушей советского гражданина, свидетельствовала, что эта реакция была весьма активной в попытке повлиять на здравый смысл

советских руководителей или пробудить его. По радио передавали выступление тогдашнего президента США Д. Эйзенхауэра, командовавшего войсками союзных армий во 2-й мировой войне, одной из самых популярных личностей послевоенного мира. Он заявил в категорических выражениях, что поручил со всей тщательностью выяснить, была ли какая-нибудь связь у арестованных советских ученых-медиков с американскими разведывательными органами, и заверил словом президента, что даже имена этих «американских шпионов» этим органам не были известны и никаких поручений от этих органов они никогда не получали. Аналогичный смысл и аналогичную категоричность имело заявление английского выдающегося деятеля – У. Черчилля и других государственных деятелей Великобритании. Бурную активность проявлял Израиль, пытаясь защитить своих соплеменников от кровавого навета, перед которым бледнеет «дело Бейлиса». Не зря «дело врачей» называли «делом Бейлиса атомного века». Международная ассоциация юристов-демократов, всегда занимавшая активную просоветскую позицию, обратилась с требованием участия ее представителей в суде над «убийцами в белых халатах», в чем ей было отказано. Высказывались в резко критической форме и многие до того просоветски настроенные видные представители зарубежной интеллигенции, и можно утверждать, что «дело врачей» сыграло немалую роль в критическом осмысливании этой интеллигенцией многих основ советского строя сталинской эпохи. Ведь удалось же Сталину околпачить даже такого проницательного и умного писателя («стреляного воробья», по его собственной характеристике), как Л. Фейхтвангер, посетившего Советский Союз в памятном 1937 году и унесшего самые светлые впечатления о Сталине. Он отразил их в своей книге «Москва, 1937 год». Нужен был исключительно сильный раздражитель в виде «дела врачей» для прозрения идеалистов, ослепленных легендой о Сталине и о советском рае, созданном им.

Авторы сценария под названием «Дело врачей, или изверги рода человеческого», конечно, не знали принципов классической трагедии в древней драматургии. Но инстинкт подсказал им необходимость противопоставления света и тьмы в их инсценировке. Тьмой была коллекция невиданных зверей, обряженных в белые халаты и удостоенных высоких научных степеней и званий, но выходцев из глубинных тайников человеческой мерзости. Равный им по масштабу светлый антипод должен был быть на уровне пречистой богородицы или по меньшей мере – Жанны Д'Арк. Такой светлый образ нашелся. Это была некая Лидия Федосеевна Тимошук, рядовой врач кремлевской больницы, работавшая в кабинете электрокардиографии. По совместительству с светлым образом преподобной богородицы она была секретным сотрудником (сокращенно – сексотом) органов госбезопасности. Они имелись в каждом учреждении. Это были секретные доносчики обо всем и о каждом, как правило – изобретатели фактов. По собственной ли инициативе или по подсказке хозяев эта «богородица» со всей своей профессиональной компетенцией куриного уровня открыла наличие заведомых искажений в медицинских заключениях крупных профессоров, консультантов больницы, разоблачила их сознательную преступную основу и этим раскрыла глаза органов госбезопасности на существование ужасного заговора.

Открытое всему миру известие о ее «благородной» роли вызвало в Советском Союзе буквально взрыв восторга и восхищения. Пресса задыхалась и захлебывалась словесными выражениями этого восторга. Правительственные поэты воспевали ее подвиг в стихах. Это было почти религиозное преклонение перед этой «великой дочерью русского народа», как ее в ту пору величали в печати.

Ее сравнивали с Жанной Д'Арк, она – спасительница родины от заклятых врагов. Ее заслуги были отмечены правительством присуждением ей 20 января 1953 года высшей награды – ордена Ленина за помощь в разоблачении «врачей-убийц».

Нет ничего удивительного в том, что ослепленное и оглушенное тем же сталинским дурманом население Советского Союза в своем большинстве приняло бесконтрольно, на

веру, сообщение ТАСС о «врачах-извергах». Оно привыкло к «острым блюдам», некоторые даже находили в них вкус и с ажиотажем встречали каждое новое «острое блюдо». А тут было преподнесено такое, перед которым казались пресными все предыдущие блюда. Такой детектив не могло бы создать самое изощренное воображение. Здравый смысл далеко не у всех обитателей Советского Союза видел в этом сообщении не истинное событие, а очередную «Сказку Крыленко». Так называли выступления Н. Крыленко, видного партийного деятеля первых лет революции, в качестве прокурора ряда инсценированных в 30-х годах судебных процессов, в результате которых были расстреляны многие невинные люди, среди них многие государственные и партийные деятели.

* * *

Очень многие, в том числе и некоторые медицинские работники, бесконтрольно приняли на веру содержание сообщения от 13 января. Реакция была двойная: дикое озлобление против извергов человеческого рода (другого названия для них не могло быть) и панический ужас перед «белыми халатами», в каждом носителе которого видели потенциального, если уже не действующего убийцу. Никогда не забуду перекошенного от злобы и ненависти лица моего лаборанта М. И. С., процедившей сквозь стиснутые злобой зубы: «Проклятые интеллигенты, кувалдой бы их, кувалдой по черепу». Можно было не сомневаться, что если бы ей дали в руки кувалду, то эта, в общем, хотя и не очень добрая, но и не кровожадная, женщина воспользовалась бы ею. Во всех учреждениях – стихийные и организованные митинги с требованиями самой суровой казни для преступников, и среди участников митингов многие предлагали себя в палачи. Предлагали себя для этой цели и представители медицинской профессии, врачи и даже профессора, то ли действительно оболваненные и наказанные богом лишением разума, то ли подчеркивавшие этим свое отмежевание от собратьев по профессии, зверских преступников. Страсти разжигала и советская печать, клеймившая в исступленных от закатанного гнева статьях извергов рода человеческого.

Советская пресса буквально неистовствовала в злобном словоизвержении.

Это была самая разнузданная черносотенная пропаганда. Общий тон и направление дала ей центральная официальная пресса. «Известия» в передовой статье 13 января, т. е. подготовленной к опубликованию до сообщения МГБ, повторяя в начале общее содержание этого сообщения, писали: «Действия извергов направлялись иностранными разведками. Большинство продали тело и душу филиалу американской разведки – международной еврейской буржуазно-националистической организации „Джойнт“... Полностью разоблачено отвратительное лицо этой грязной шпионской сионистской организации. Установлено, что профессиональные шпионы и убийцы из „Джойнт“ использовали в качестве своих агентов растленных еврейских буржуазных националистов, которые проводят под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. Именно от этой международной еврейской буржуазно-националистической организации, созданной американской разведкой, получил изверг Вовси директиву об истреблении руководящих кадров в СССР через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса. Другие участники террористической группы (Виноградов, Коган М., Егоров) оказались давнишними агентами английской разведки».

Попутно эта статья напоминает об умерщвлении Куйбышева, Менжинского, Горького врачами Левиным и Плетневым.

В числе извергов названы два Когана: Б. Б. и М. Б. Оба они родные братья, но один из них – Б. Б. – был американским шпионом, а другой – М. Б. – английским. По-видимому,

шпионаж был семейной профессией Коганов, обслуживавшей только лишь две иностранных разведки ввиду численного недостатка братьев.

Интересна одна деталь, не отображенная в сообщении МГБ: Коган М. Б., тоже профессор-медик, скончался от рака (потребовавшего ампутации руки) за несколько лет до того, как стал шпионом. В этой роли он мог действовать только в загробном мире, что, однако, не смущало следственный аппарат МГБ, принимавший для своих целей на вооружение и чертовщину, в чем я мог лично убедиться в дальнейшем.

Старалась советская пресса через все свои литературные каналы. Внес свою лепту и «Крокодил» карикатурами на еврейских убийц; этим карикатурам могла бы позавидовать самая черносотенная печать царского времени, к которой брезгливо относилась даже консервативно настроенная часть дореволюционной интеллигенции.

* * *

Среди массы откровенных погромных статей наиболее омерзительными, воскрешающими самую отвратительную бульварную антисемитскую прессу периода еврейских погромов 1904–1905 годов особо выделялись статьи Ольги Четкиной, разводившей чернила «слюною бешеной собаки». Вспоминается и отвратительное впечатление от статей Густы Фучиковой, вдовы легендарного героя Чехословакии, Юлиуса Фучика, автора бессмертного «Репортажа с петлей на шее». С трудом ассоциируются те нежные строки, которые посвятил Фучик в «Репортаже» своей подруге и увековечил ее в них ореолом чуткости и благородства, – с звериной злобой, выраженной в ее литературных откликах на «дело» с терминологией бандитского дна. Не верилось, что это писала нежная, интеллигентная женщина, друг Фучика, а не уголовник-бандит, если только Фучик в своих тюремных воспоминаниях о ней не идеализировал ее. К организации антиеврейского народного гнева были привлечены и неарестованные евреи в лице их видных представителей в советском мире: крупные ученые, известные музыканты, композиторы, артисты, военные и т. д. Они должны были заклеить письмом в редакцию газеты «Правда» своих собратьев по национальности, оказавшихся извергами рода человеческого. Организация этого письма, как мне передавали, была поручена тройке евреев: их имена мне называли, но я не привожу их, т. к. не могу ручаться за достоверность. Да это и не имеет значения, они – тоже жертвы.

Текст письма мне известен только со слов некоторых из них, кто его подписал, будучи призван к этому. Содержание его не блещет оригинальностью, вкратце оно сводится к следующему: «Евреям советская власть открыла широкий доступ во все области, дала свободу развития всех их способностей, а презренные изверги отплатили за это потрясающим вероломством. Отмежевываясь от этих вырожденков, подписавшиеся требуют для них самой высокой кары». Это – смягченный текст письма. Как мне рассказывал один из подписавших его, дискуссия развернулась не вокруг его основного содержания, а вокруг тех эпитетов, которыми следует заклеить «извергов». Предлагался разнообразный их ассортимент. Почти все призванные подписать этот документ безоговорочно это сделали, некоторые даже не читая, отнесясь с равнодушием к его тексту. Я не называю имена тех, кто подписал этот гнев евреев против евреев. В числе их – известные всему миру имена. Они такие же жертвы этой эпохи, как и те, на кого они излили гнев, отштампованный в редакции «Правды». Один из подписавших (композитор Блантер) говорил мне, что у него каждое утро дрожали после этого руки, когда он получал «Правду», ожидая увидеть этот омерзительный документ с его подписью под ним. Но я считаю обязательным назвать имена тех, которые имели мужество отказаться или уклониться дать свою подпись. Это – народный артист СССР Рейзен, герой Отечественной войны, командир казачьего конного корпуса генерал-полковник Крейзер и Илья Эренбург, композитор И. О. Дунаевский. Конфуз произошел с композитором Глиэром.

Когда ему, приняв его за еврея, предложили подписать это письмо, он не возражал против того, чтобы дать свою подпись, но заявил, что он – не еврей, что его отец – немец, а мать – украинка. После такого разъяснения ему было отказано в чести дать свою подпись.

Документ этот света не увидел. То ли решили, что «хороших» евреев не должно быть (особенно в связи с намечаемыми последующими акциями против всей национальности), то ли публикация письма по каким-то причинам задержалась и утратила актуальность после смерти Сталина. Но самый факт подготовки такого документа – лишний штрих к моральной панораме сталинской эпохи.

* * *

Москва всегда была во всем примером для всего Советского Союза. Стала она примером и в организации «дела врачей». В каждом крупном и даже провинциальном центре находили своих «убийц в белых халатах». Не отставать же от Москвы! Поэтому определить точное число арестованных врачей могут только МГБ и судебные органы. Списки, опубликованные в газетах арестованных и затем реабилитированных 4 апреля 1953 года, были далеко не полными. Из известных мне арестованных профессоров и врачей в опубликованных списках не было, например, фамилий В. Ф. Зеленина, Б. И. Збарского, Э. М. Гельштейна, Г. Х. Быховской, М. Я. Серейского, И. И. Фейгеля, В. Е. Незлина, Н. Л. Вилька, моей и многих других, не говоря о женах арестованных. Сокращать список, по-видимому, было необходимо, иначе проще было бы опубликовать фамилии оставленных на свободе. В ряде крупных центров, особенно на Украине, были уволены из медицинских институтов профессора-евреи, уцелевшие от арестов (в дальнейшем большинство их было восстановлено).

Был и пример, близкий нашей семье. Брат моей жены, Г. Я. Эпштейн, известный ученый-травматолог, был последовательно уволен со всех занимаемых им в Ленинграде должностей: зав. кафедрой травматологии Ленинградского государственного института усовершенствования врачей и руководитель большого отдела в Ленинградском институте травматологии им. Вредена. Оказавшись безработным, он приехал в Москву в Управление кадрами Министерства здравоохранения РСФСР просить какое-либо назначение по специальности.

Принявший его начальник Управления кадров Трофимов (позже – министр здравоохранения РСФСР) предложил ему участок в Якутской области. Обычно такие места замещаются оканчивающими медвузы при распределении их на работу.

На вопрос профессора Г. Я. Эпштейна о том, считает ли Трофимов такое назначение правильным использованием его научного уровня, профессионального уровня и его возраста (57 лет), тот ответил без обиняков: «Таким, как Вы (!), я ничего другого предложить не могу. Советую принять это предложение, т. к. в скором времени я и это Вам дать не смогу». В этих словах был откровенный намек на то, что в ближайшее время евреев ждет более суровая судьба.

Мне передавали следующий факт, с речательством за его достоверность, подтверждающий, подготовку к этой акции. Речь идет о киевском профессоре-педиатре, лечившем детей крупного государственного и партийного деятеля Украины; врач был много лет домашним врачом этой семьи, пользовавшимся ее расположением и симпатией. После 13 января он был уволен из медицинской системы, обслуживавшей государственную и партийную верхушку.

Спустя некоторое время после этого ему позвонила жена этого государственного деятеля и попросила его навестить ее заболевшего ребенка, хотя врач уже не состоял в соответствующей лечебной организации, о чем он ей сказал. Он, естественно, не отказал ей в этой личной просьбе, навестил ребенка и дал необходимые лечебные указания. Его несколько удивило, что мать ребенка не отпустила его и попросила немного задержаться. Он заподо-

зрил, не хочет ли она заплатить ему за его, уже частный, визит. Спустя некоторое время его пригласили в кабинет, где был, по-видимому, специально прибывший отец ребенка. Не объясняя ничего, он спросил у профессора, имеется ли у него возможность уехать из Киева и поселиться в каком-либо глухом небольшом городке или селении не районного масштаба, и в случае наличия такой возможности – сделать это безотлагательно. В этом вопросе скрывался совет врачу и предупреждение об участи, которая ждет его в Киеве. Профессор не успел воспользоваться советом этого, несомненно порядочного человека, рисковавшего многим, если совет этот получит огласку. Вскоре, однако, произошел неожиданный благополучный финал «дела врачей», и необходимость для врача укрыться отпала.

* * *

Общественная ситуация, сложившаяся после правительственного сообщения о «врачах-убийцах», да и внутренняя подоплека этого дела является незаконченным советским изданием так называемых «холерных бунтов».

Укоренившееся название «холерные бунты» дано волнениям, возникшим несколько раз в прошлом веке в различных областях царской России. Они охватывали широкие крестьянские массы во время жестоких эпидемий холеры, присоединявшихся к и без того бедственному положению голодающего, бесправного, невежественного крестьянства. Вспышки ярости, накопленной годами нищеты и бедствий озлобленных человеческих масс, были вначале направлены против медицинского персонала, отряды которого самоотверженно боролись с ужасной болезнью. Необразованные темные массы приписывали врачам распространение холеры и обрушивали на них первые вспышки своей ярости, жертвами которой пали многие врачи. Заодно в дальнейшем они обрушивали свою ярость на своих вековых угнетателей – представителей власти, помещиков, и бунт принимал такой широкий социальный размах, что его подавление требовало специальных карательных мероприятий. «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный», – писал А. С. Пушкин о Пугачевском восстании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.